

Период настоятельства в Черноостровском монастыре в Малоярославце преподобного Антония (Путилова) в его переписке с преподобным Моисеем (Путиловым)

Амфилохий (Пушкарёв), иеромонах

магистр богословия, аспирант Московской духовной академии

9104608619pavel@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-1414-2631>

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Амфилохий (Пушкарёв), иером.* Период настоятельства в Черноостровском монастыре в Малоярославце преподобного Антония (Путилова) в его переписке с преподобным Моисеем (Путиловым) // Богослов. 2026. № 2 (10). С. 122–154. DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2026.10.2.004

АННОТАЦИЯ В статье на материале эпистолярного наследия преподобных Антония (Путилова) и Моисея (Путилова) анализируются связи игумена Антония с Оптиной пустыней в малоисследованный период его жизни – время настоятельства в Малоярославцеком Черноостровском Николаевском монастыре (1839–1853 гг.). Преподобный Моисей был родным братом преподобного Антония, а также его духовным руководителем. В данный период руководство осуществлялось эпистолярно. Переписка между преподобными отличалась высокой интенсивностью и содержала наставления, увещания и пастырские указания, а также хозяйственно-бытовые подробности. Корреспонденция содержит также сведения о взаимодействии других насельников Оптиной пустыни с Малоярославцеком монастырем, среди которых особо выделяются преподобные Лев (Наголкин) и Макарий (Иванов). Духовная и культурно-историческая значимость переписки преподобных Антония и Моисея является исключительно высокой: эпистолярный не только фиксирует подлинные обстоятельства жизни подвижников и реконструирует монастырский быт в возглавляемых ими обителях, но и представляет собой важный источниковедческий материал для изучения духовной жизни оптинского старчества. При этом переписка остается до настоящего времени неизданной и недостаточно исследованной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преподобный Антоний (Путилов), преподобный Моисей (Путилов), Черноостровский Николаевский монастырь, эпистолярное наследие, Оптина пустынь, оптинское старчество

Статья поступила в редакцию 18.05.2026,
принята к публикации 12.06.2026.

В

середине XIX в. игуменами трех русских монастырей были три родных брата Путиловых: Моисей возглавлял Оптиную пустынь (с 1825 по 1862 г., всего 37 лет), Исаия — Саровскую пустынь (1842 г. — строитель, 1846 г. — игумен, руководил монастырем до 1858 г.), Антоний — Черноостровский монастырь во имя святителя Николая Чудотворца в Малоярославце (с 1839 г. по 1853 г.).

К моменту назначения игумена Антония на эту должность ему исполнилось 44 года, он имел обширный опыт монашеской жизни под руководством опытных наставников. В 1816 г. он тайно оставил мир и ушел в рославльские леса, где подвизался его старший брат Тимофей (впоследствии Моисей), стал послушником, в 1820 г. был пострижен в монашество. После назначения прп. Моисея настоятелем скита при Оптиной пустыни активно помогал брату в устройении скита, в 1825 г., когда отец Моисей стал настоятелем монастыря, отец Антоний был рукоположен в иеромонаха и назначен скитона начальником. Странствия братьев скит Оптиной пустыни превратился в один из духовных центров России. Сюда прибывают из Александровского монастыря старец отец Леонид (Наголкин, впоследствии иеросхимонах Лев) с пятью учениками, а из Площанской пустыни — старец Макарий (Иванов). Они и стали первыми оптинскими старцами. Отец Антоний из-за малочисленности братии сам исполнял братские послушания, часто оставался без келейника, пел на клиросе, читал неусыпаемую Псалтирь. Как отмечает автор жизнеописания прп. Антония иеромонах Климент (Зедергольм), «кажется, во всем братстве не было такого смиренного послушника, как скитона начальник, который ни малейшего распоряжения не дерзал делать без благословения старца своего отца Моисея»¹. В пасхальную полночь 1836 г., спеша на службу в монастырь из скита, отец Антоний сильно ушиб правую ногу, споткнувшись о пенек. В результате травмы возникло рожистое воспаление ноги, усугубленное неправильным лечением и ставшее хроническим. Болезнь ног станет телесным крестом отца Антония до конца его жизни. В таком состоянии ему пришлось после 18 лет жизни в тихом

¹ *Климент (Зедергольм), иером. Житие преподобного Антония Оптинского.* Козельск, 2018. С. 44.

скиту Оптиной пустыни покинуть его и 3 декабря 1839 г. принять настоятельство в Малоярославецком Черноостровском Николаевском монастыре, в котором уже сложилась практика получать настоятелей из Оптиной пустыни.

Свое настоятельство и возведение в сан игумена отец Антоний воспринял без тени тщеславия. Известие об игуменстве отец Антоний воспринял с крайним смирением, как «крест» и «тяжкое бремя», полагая, что получил его «лежучи, без труда и заслуги». Он пишет отцу Моисею: «Прошу Ваших святых молитв, чтобы сею высокою степенью несмирненное сердце мое не вознеслось и не возмечтало бы о себе недолжного. Не буду Вам описывать той радости с которою я принимал сей великой сан, оставляя прежнее жилище свое; а скажу только о том, что многие со многими труды и поты и потрясением кошелька — едва достигают сей степени, а я ону лежучи получил без труда и заслуги, т.е. туне; да кажется, если б можно, то туне бы и отдал оную... но как по слову Христа Спасителя: кто не несет Креста своего, тот не может быть учеником Его, и кто не приемлет наказания от руки Господней, тот недостоин нарицаться сыном Отца Небесного; а посему тяжкое бремя возложенное на меня, понуждаюсь нести, с покорностию ко Отцу Небесному»². Рассказывая брату о своем вступлении в должность и игуменской присяге, отец Антоний красочно описывает страдания, перенесенные им, которые стали «подвигом, превышающим его силы» и своеобразной «горькой почестью» этой церемонии: «Простите меня Господа ради за непослушание мое в разсуждении пренебрежения своего о теплом одеянии против холоду; и, действительно, довольно я был наказан, а именно: подъехавши к Св. Воротам, надобно было на открытом воздухе при народе передеваться, и холодною рукою расчесывать волосы, а оледеневшую бороду так оставил, церковь была не протоплена в которой по приходе прикладывался к местным образам и читал я присягу на Игуменство, потом читал Указ на введение в должность, по коем служил я собором благодарной молебен по благословию Владыки, после онаго все подходили под благословение, а у меня и пальцы едва разгибались, и из церкви также провождение до кельи с посохом и едва

² РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 25–25 об.

я не окоченел. Вот Батюшка и честь Игуменская досталась мне не туне, но стоила подвига превышающего силы мои, ибо едва возмог снести стужу тогдашнего времени, и эта горькая почесть останется у меня в памяти на всю жизнь!»³. Через несколько дней после вступления в должность игумена в состоянии уныния отец Антоний задремал и увидел «в тонком сне лик отцев, и один из них, якобы первосвятитель, благословляя меня, сказал: „Ведь ты был в раю, знаешь его; а теперь трудись, молись, и не ленись!“ И вдруг, проснувшись, ощущаю в себе некое успокоение. Господи, даруй мне конец благий!»⁴. Когда отец Антоний поведал подробности своего видения оптинскому старцу Леониду (в схиме Льву), тот сказал, что увиденный во сне архиерей был святым Митрофаном Воронежским. Впоследствии отец Антоний специально ездил в Воронеж, чтобы поклониться мощам святителя Митрофана.

Малоярославецкий Черноостровский монастырь, основанный в XVI веке, в 1812 г., как и город Малоярославец, стал местом одного из самых ожесточенных сражений Отечественной войны. Город не менее семи раз переходил из рук наполеоновской армии к русской. Ценности монастыря успели вывезти в Орел, но все монастырские здания были выжжены и разграблены, ров обители был завален трупами людей и лошадей, сохранились главные ворота с написанным на них Нерукотворным Образом Спасителя, который чудесным образом остался цел, хотя был окружен следами шрапнели. В память о событиях войны по распоряжению императора Александра I эти следы были сохранены и дошли до наших дней, а Нерукотворный Образ стал одной из святынь обители. Таким образом, предшественнику отца Антония, архимандриту Макарию (Фомину), управлявшему монастырем с 1809 по 1839 гг., пришлось восстанавливать монастырь из руин. Он проделал большую работу по привлечению благотворителей, в том числе 10 тысяч рублей были выделены самим императором Александром I, помощь оказывали и члены императорской семьи. Благотельствовали и ветераны Отечественной войны 1812 г. Например, 3500 рублей пожертвовал наказной атаман

³ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 1. Л. 13.

⁴ *Зедергольм*. Указ. соч. С. 61.

Войска Донского А. В. Иловайский. В результате монастырь был полностью обновлен. В 1813 г. был построен двухэтажный каменный корпус с деревянным мезонином: на втором этаже расположились покои для настоятеля и почетных гостей, на первом — братские кельи. На месте церкви вмц. Параскевы в 1814 г. была построена каменная церковь в честь Корсунской иконы Божией Матери. В 1815 г. возведен больничный корпус, в 1816 г. — двухэтажный каменный корпус с деревянным мезонином для братских келий и трапезной. В том же году монастырь был окружен каменной оградой с двумя башнями, в одной из которых размещалось Малоярославецкое духовное правление, в другой устроена часовня. В 1817–1821 гг. была возведена каменная трехъярусная надвратная колокольня, для которой приобретены 10 колоколов, на ее верхнем ярусе были размещены часы с боем. В монастыре появились многочисленные хозяйственные постройки, за оградой — конный и скотный дворы, разбит фруктовый сад. В Москве на Большой Ордынке был приобретен участок земли, на котором построено монастырское подворье. Но самой масштабной стройкой в монастыре стал собор свт. Николая Чудотворца, который должен был стать храмом-памятником Отечественной войны 1812 г. Его первый вариант, строившийся в 1814–1822 гг., пришлось разобрать из-за трещин в сводах, а второе здание, спроектированное по новому плану, пришлось заканчивать уже новому игумену. Таким образом, после тихого скита Оптиной пустыни отцу Антонию досталось большое и хлопотное хозяйство, а Малоярославец, располагавшийся на большой дороге, показался ему «великою шумною столицей». Иеромонах Климент (Зедергольм) так сформулировал задачу, стоявшую перед новым игуменом Антонием: «За внешним устройством обители, оставалось водворить и утвердить ее внутреннее устройство по духу веры и благочестия, по правилам опытных подвижников, по образу лучших обителей русских»⁵.

Первые впечатления после знакомства с жизнью монастыря отец Антоний описал брату так: «Братиею здешнею на первой раз я очень доволен и покоен, но они меня сначала боялись, дабы я древние обычаи их не изменил и не разогнал, но

⁵ Там же. С. 62.

я их спокойствия ничем не нарушал, хотя и требуют некоторые статьи поправления. Служба церковная хотя и очень спешно идет, но в один голос и ничего не опускается. Это и Слава Богу! Но ризница в крайнем беспорядке, и не столько носится, сколько мнется, ибо лежит в сундуках, и когда понадобится исподняя риза то верхние должно вынимать, а на скорую руку и вывалить на пол»⁶. Как любитель духовного чтения, отец Антоний не мог не заметить, что «книги одни только служебные по церкви, а отеческих и поучительных почти нет, даже и Никифора Астрах. толкований нет, покойный От. Арх. занимался более внешним благолепием»⁷. Здесь в качестве одной из самых необходимых духовных поучительных книг упомянуты «Толкования воскресных евангелий» архиепископа Никифора (Феотокиса), которые также высоко ценились свт. Игнатием (Брянчаниновым). Отец Антоний писал, что прочитал эту книгу «от доски до доски раз до десяти, да столько же, или еще и более, еженедельно слушал ее в трапезе по воскресным дням» и советовал читать из нее по беседе в неделю⁸. Неприятным открытием стали и обнаружившиеся пропажи вещей: «Противо описи не явилось 5 ложек серебряных столовых и 5-ти чайных, да кажется и кроме сего не мало кой-чего слиняло, ибо наверху был камод красн<ый> дер<евянный> с ящиками, в коих ничего не осталось кроме пыли, да в три месяца От<ец> Иос<ия> успел израсходовать более 6-ти т.р.»⁹. Отец Антоний пишет, что «много меня на первый раз беспокоит неопытность моя в делах управления самовластного, а второе совершенное оскудение всех припасов, ибо нет ни муки, ни крупы, ни масла, ни дров»¹⁰.

Вскоре обнаружились проблемы с внутренней жизнью монастыря и с поведением отдельных насельников. Отец Антоний сталкивался с ложью и своеволием: «О. Спиридон < > вчерашний день клятвенно уверял он меня в своей невинности и неприкосновенности, чтобы Бог более его недопустил

⁶ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 1. Л. 11 об.

⁷ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 1. Л. 11 об.

⁸ *Преподобный Антоний Оптинский*. Наука о преданности воле Божией: Сб. писем / Ред.-сост. В. В. Каширина. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. С. 207.

⁹ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 1. Л. 12.

¹⁰ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 1. Л. 15.

к священнослужению, если он что присвоил после О<тца> Арх<имандрита> М., что меня и удивило и огорчило, ибо уверение таковое и в правде грешно, а в неправде — и меры нет греху!...»¹¹; «...без меня Феодосий подговорил новаго Духовника Самуила итить с ним в город, и там якобы со крестом ходили по домам до вечерни и собирали яйца и деньги — но по возвращении моем покровили оба душею, и заперлись не сказавши правды»¹². Своеволие некоторых братий, их нежелание жить по монастырским правилам было вопиющим: «Вот и брат мой Христофор Н. едва ли у меня долго проживет, ибо и чин потерял, и мир Божий удалился от сердца Его, и начинает иногда сомневаться в бытии Самого Бога. Вот какая прелесть! а мне с таковыми горе и тяжкой Крест!»¹³; «Вот и Евангельское чадо мое о. Мефодий печалит сердце мое до болезни, не внемлет ни мне ни гласу совести своей. Ежедневно утром и вечером ходит без благословения на речку купаться, а та... для купанья же из городу приходят всякая сволочь обою полу; ежедневно же по совету якобы лекаря для поддержания здоровья прохаживается по несколько часов по полям и лесам — иногда и до ночи, и безотчетно; в трапезу кроме праздничных дней не ходит, и пища <тра>пезной якобы по болезни употреблять не может; к церковной службе редко ходит, и стоит более на паперти якобы от головокружения, и занимается там беседою с кем случится; и как слава его, так и наружная поступь, напыщенны гордостью и развратом, и кто... нему ни приютится из братии — похожим делается на него до нестерпимости. На прошедшей недели просился он у меня прогуляться до Боровска, но я никак не согласился, и в тоже время высказал ему всю болезнь сердца моего за вышеписанное бесчиние его и соблазн, но в ответ от него вот что услышал я: „Вы меня не перемените, я таким не могу быть, как Вы, Вы совершенно ожесточили меня, я жить... не могу, дайте мне пачпорт“»¹⁴; «А мне, то от семинаристов, то от своих, то от штатных слушателей горе! Семинариста одного — келейника Иос<ии>, думаю выслать вон — если еще что напрокудит. О. Феод<осий>

¹¹ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 1. Л. 37.

¹² РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 107 об.

¹³ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 4. Л. 46.

¹⁴ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 45 об.

не покоен стал в духе, что пострижение не вышло ему; также и о. Моисей <...>; и оба они так изнежились, что для себя воды принести не могут, ни самовара согреть, а потому и служат им лизоблюдники — из чашки чаю. Хотелось мне выполнить данное им обещание — обоих представить к пострижению, но по нынешнему секретному предписанию — на беду себе, а потому не знаю что и делать?»¹⁵. Иногда поведение насельников заставляло обращаться к представителям закона: «Горе не малое и со штатными, один из них недавно определен в новое на место умершего, и такой вор — в одну неделю четыре раза обличен в воровстве, и один раз в хвастовстве — что он то сделает все ахнут; почему и должен посылать его в полицию — для расправы и наказания, а между тем переписка с присутственными местами для меня — как кандалы»¹⁶.

Отец Антоний отмечал, что некоторые насельники обители оказались в ней не по искреннему желанию монашеской жизни, а желая для себя определенных благ: «О. Иринарх отправился от меня в Лавру: но оттуда вернули его вспять, почему он паки у меня, и не знаю надолго ли? Заметно в нем и вольнодумство, ибо он принял на себя монашество и священство не для того, чтоб быть монахом и священником, но чтоб чрез сие выше приподняться и жить посвободнее»¹⁷. В определенный момент конфликт между монашеским укладом и запретными желаниями насельника приводил к оставлению им обители и тяжелым греховным падениям, «буйству»: «Бывший послушник Боровской бас, о коем я писал Вам, своевольно отлучась от меня, явился ко Владыке и подал прошение об исключении его из духовного звания; в сходство коего, и уволен он, и отослан в губернское правление для избрания рода жизни; а после сего в каком-то селении у мужиков нанялся в солдаты — получа деньги в задаток и давши в оных расписку, и пропивши оные, наконец вчерашний день явился сюда в город и просит Доримедонта Григорьевича выручить его из беды денежным пособием, и если он откажет ему в оных, то он готов покуситься на

¹⁵ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 3. Л. 42 об.

¹⁶ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 3. Л. 42 об.

¹⁷ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 5. Л. 16 об.

жизнь свою. Чудное дело, до какой крайности буйство доводит человека!»¹⁸.

«Буйства» некоторых братий могли доходить и до рукоприкладства: «Мефодий, которого вся осанка показывает распутного и буйного человека; который в неделю Ваия после обеда своевольно отлучась в город возвратясь в сумерки стал требовать у повара ужина, но пищи не случилось, почему ударил повара столь сильно, что тот свалился с ног, и в дополнение к дерзости пришел как сильно обиженный жаловаться на него же ко мне, почему не оставили ему пищи»¹⁹. Отец Антоний рассказывает эту историю после сообщения о радостной новости, «Милости Божьей к обители»: неизвестный благодетель прислал в монастырь мастера-серебряника и живописца для украшения храма. И буйное поведение брата Мефодия воспринимается при этом отцом Антонием как повод не превозноситься этой неожиданной милостью Божьей. И в этом месте, и в других письмах он вспоминает о словах апостола Павла из Второго послания к Коринфянам (12:7), называя братий, которые вызываяще себя ведут, пакостниками. Брата Мефодия отец Антоний решает «поучить смирению» не «за гнев свой», а ради его пользы, попросив об этом владыку.

Наиболее тяжелым пороком братии, с которым приходилось бороться отцу Антонию, было винопитие: «Я на сих днях одного приукаженного послушника звонаря за нетрезвость выслал вон...»²⁰. Случались и многодневные попойки: «Думал было я из иеродиаконов кого-либо для безостановочного служения представить владыке к посвящению в иеромонахи, а у них к душевному огорчению моему открылся осмодневный праздник Бахусу»²¹. Подобное искушение возникало во время отлучек отца Антония из монастыря: «Слава Богу, в обитель свою возвратился я 13-го ч. благополучно, и 14-го служил; но в обители своей нашел празднующих Бахусу сряду несколько дней: о. Сергей рожу свою разбил пьяной, о. Варлаам старик последней хрипучий голос свой потерял, о. Анатолий и Авель запоем поют, почему с этой стороны не без горя мне, а помочь

¹⁸ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 8. Л. 11 об. — 12.

¹⁹ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 103 об. — 104.

²⁰ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 1. Л. 37 об.

²¹ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 277 об.

горю нечем — кроме терпения и несения немощей немощных»²²; «каждая отлучка моя без неприятности редко проходит. Вот и теперешней раз к отцу казначею пожаловал дорогой гость — соборной дьякон, для угощения которого потребовал он в свою келью сладкой водки, а келейники мои отказали; и составила из отказа капризная материя, из которой обе стороны не правы...».²³

Отец Антоний впервые столкнулся с этим пороком во время празднования первого Рождества Христова в обители в 1840 г.: «Слава Богу, молитвами Вашими, и праздник Рождества Христова встретил я приятно, но встретил тут же и неприятности: ибо в числе 25 человек братства почти четвертая часть заражена запоем, которые для праздника и разрешили вкупе... а мне и труда и горя наделали много, которых я прежде увещевал духом кротости, потом поклонами, после чтоб самовольно в город не ходили ворота велел запирать, а наконец объявил что если они не престанут от бесчиния, то я рапортом отнесусь владыке и буду просить о удалении их в другую обитель; чрез что несколько попритихли, Впрочем и впредь нельзя положится на раскаяние и твердость их»²⁴. В данной цитате мы видим, как менялись методы увещевания братии: сначала кроткие увещевания, потом епитимья поклонами, запрет покидать монастырь и угроза перевода в другую обитель. Таким образом, почти сразу отец Антоний столкнулся с проблемой недостаточности мягких методов увещевания «буйных» насельников. Он спрашивает у брата: «Помню я Ваше напоминание, чтоб братию беречь, а иначе и наготовить их нельзя; что же мне делать, когда нежестокое, но и кроткие убеждения не достаточны ко успокоению их? Вот и Илия вяземской, когда жил, все молчали, а когда вышел то и обнаружился он самым бессовестным человеком — почему может быть и особенная милость Божия ко мне, что люди таковые с презрением и негодованием оставляют обитель мою, Бог с ними!»²⁵. Из текста писем к отцу Моисею мы видим, что со временем отец Антоний не ограничивался только увещеваниями, но и применял

²² РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 8. Л. 43.

²³ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 4. Л. 5 об.

²⁴ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 1. Л. 19 об.

²⁵ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 3. Л. 6 об.

жесткие дисциплинарные меры к насельникам монастыря, вызывавшим своим поведением соблазн у братии, у прихожан, нарушавшим своим поведением благочиние церковной службы: «Брата Алексия Титова уволил я за случившееся бесчиние и соблазн от него, а именно: на второй неделе поста в пятницу была у нас баня, и он вышедши из ней подкрепился со други своими сивухой, а на другой день в субботу утром опохмелившись слишком много, пошел в церковь пономарить, и столько сделался пьян, что из алтаря вывели его вон, а людей было в церкви много и сторонних, почему и решился удалить его от греха, ибо случаев у него на разрешение и прежде было не редко, да и впредь благонадежного не видно»²⁶; «Я по приезде своем из Калуги одного семинариста за распутство выслал вон, а другого за пьянство удалил»²⁷; «Иван Ив. Горшков подружась с о. Мефодием дерзок стал до нестерпимости, и когда не укротит себя, то должен буду выслать его вон»²⁸. Сталкиваясь с проблемами со стороны братии, отец Антоний утешал себя такими словами: «Что делать, хотя они люди и непрочные, но где же взять Ангелов?»²⁹; «где же найти Ангелов, поелику в каждом человеке своего рода имеются недостатки»³⁰.

Однако иногда проблемой могло стать не только нежелание жить монашеской жизнью, но и несвоевременное своевольное желание монашества. Примером может служить история, произошедшая с послушником Доримедонтом Григорьевичем Григорьевым. В январе 1846 г. отец Антоний пишет брату: «К сердечному прискорбию моему, нашел благодетеля моего Доримедонта Григорьевича побежденным от желания себе монашества, а за оным может быть и высших почестей; и представил он мне на вид свою любовь ко мне, заслуги, пользу, и проч. — Что все хотя и болезненно было видеть мне в нем, но думаю предложить об нем владыке на благоусмотрение его, хотя это ходатайство мое будет и не в пользу души его, но делать нечего — должен малодушного сего чем-либо успокоить, да не

²⁶ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 99 об.

²⁷ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 4. Л. 5 об.

²⁸ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 46.

²⁹ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 242 об.

³⁰ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 279 об.

пожрен будет от печали»³¹. Доримедонт Григорьевич был послушником непростого происхождения, поэтому отец Антоний называет его «благодетелем». Родился он в дворянской семье в Орловской губернии, учился в частном пансионе и гимназии, служил в армии, вышел в отставку в чине поручика, отпустил своих крестьян на волю и отправился странствовать по святым местам. В 1842 г. он поступил послушником в Малоярославецкий монастырь, и его имя часто фигурирует в переписке между братьями — отцом Антонием и отцом Моисеем. В описанной ситуации мы видим причину, по которой отец Антоний видел бесполезность принятия Доримедонтом Григорьевичем монашества: оно было для него поводом к тщеславному желанию «высших почестей», также неуместными в искании монашества были слова о заслугах и пользе. Но, с другой стороны, послушник страдал от еще одного искушения — малодушия, и для успокоения его от печали отец Антоний даже готов ходатайствовать о нем перед епископом Калужским Николаем (Соколовым). Однако Доримедонт Григорьевич на этом не остановился, и во время встречи с владыкой отец Антоний узнал, что он «напросил каких-то двух помещиков — один из Курска, другой из Воронежа — которые описавши его прежнюю благочестивую жизнь, просят, чтоб представить к пострижению в монашество и иметь его во внимании»³². Это огорчило владыку, и он приказал ко времени пострига прочитать Доримедонту Григорьевичу «из Духовнаго регламента». Отец Антоний подытоживает: «Очень жалок он, но советы мои в рассуждении монашества возложить на Господа Бога, который и прежде прошения вестъ когда оное даровать, не успокаивают сердце его»³³. Доримедонт Григорьевич в 1847 г. покинул Малоярославецкий монастырь и стал послушником воронежского Акатова монастыря. Его желание стать монахом исполнилось в 1848 г. в Харькове, он получил имя Димитрий. В 1860 г. он стал настоятелем Задонского Богородицкого монастыря, именно при нем в 1861 г. были открыты мощи святителя Тихона Воронежского. Архимандрит Димитрий устроил новую иноческую обитель

³¹ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 8. Л. 2.

³² РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 8. Л. 3–3 об.

³³ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 8. Л. 3–3 об.

с уставом скитского общежития под именем Общежительного Тихоновского мужского монастыря, был рачительным хозяином, улучшил церковный хор, заботился о торжественности в богослужении и широко развил дело благотворительности, сам же отличался нестяжательностью и самую скромную жизнью. Можно сказать, что душепопечение и молитвы отца Антония дали со временем хороший плод.

Иногда Малоярославецкий монастырь служил своеобразным местом ссылки, что тоже создавало трудности для настоятеля: «Вчерашний день прислан ко мне Боровского монастыря послушника — буян, которой как сумасшедший содержался в Калужском смиренном доме; но Владыке нашему угодно назначить его ко мне, чтоб я попестовался с ним»³⁴. Особенная история произошла со ссылкой униятом Варфоломеем. Его появление в обители связано с последствиями Полоцкого собора 1839 г., воссоединившего Белорусскую и Литовскую униатские епархии с Православной Церковью. Однако не все представители униатского духовенства были согласны с решением этого собора. К ним были применены меры дисциплинарного воздействия, в том числе перевод в Великорусские епархии. Например, в Курске была создана специальная обитель, в которую были переведены 20 униатов, в 1842 г. она была закрыта, а ее монахи были распределены по русским монастырям. Поступивший в Малоярославецкий монастырь униат Варфоломей был настроен резко негативно к православию, слышать не хотел о присоединении к нему и не посещал церковь. Отец Моисей предлагал содержать его отдельно от братии (для чего не было свободных келий), а отец Антоний намеревался рапортовать о нем «как об неизлеченно недугующем члене» и размышлял, «не выпроведут ли его в Сибирские пределы»³⁵. Однако открылись другие обстоятельства: «Сего дек. 9-го в силу указного предписания Варфоломея униата взят от меня к уголовному суждению за участие в похищении из Почаевского монастыря серебряной посуды, состоящей в 2-х сундуках, 2-х коробках и одном чемодане; которой через полицию и отправится

³⁴ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 6. Л. 31 об.

³⁵ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 3. Л. 8.

в Волынскую губернию»³⁶. Но, к огорчению отца Антония, униат был снова возвращен в Малоярославец: «побывавши на родине ожесточеннее стал, не знаю, как и быть»³⁷. Другой униат был сослан в Оптину пустынь, и отец Антоний советует брату: «На счет униата Вашего осмеливаюсь предложить Вам так же с ним поступить как и я с своим, т.е. с двумя или тремя человеками прийти неожиданным образом и все пересмотреть у него в чемодане или сундуке, книги на польском и латинском языке, и рукописи все забрать в свою келью для рассмотрения, а также и бритвы из опасения — чтобы оными кого не зарезал»³⁸. Здесь мы видим, какими опасениями сопровождалось пребывание униата в монастыре. Контроль за книгами на польском языке после событий польского восстания 1830–1831 гг. означал надзор не только за религиозными взглядами униата, но и за политическими. Завершилась ссылка униата неожиданным дружеским прощанием с отцом Антонием: «Своего вчерашний день выпроводил я в Саратов, снабдя его деньгами 30-ю целковыми; жил он у нас — знать никого не хотел, а расстались по-дружески, с любовью, так что и жаль мне его стало»³⁹.

Кроме поведения братии также беспокойство отца Антония вызывала и ее нехватка — монастырю не хватало певцов, чтецов, иеромонахов: «Михаило Шестаков тоже закружился и вышел из обители вон, чему я и рад; да по прежде его с месяц Петр слепой тоже вышел вон, а посему крилос правой певцами у нас пооскудел; есть и еще человечка три, коих с любовью уволил бы я вон»⁴⁰; «я же убогий вельми обеднял и чтецами и певцами, но печаль свою во всем возлагаю на Господа Бога и на Ваши святые молитвы»⁴¹; «большой чувствую я недостаток в иеромонахах, которых у меня в служении только трое, а посему прошу Вашего вразумления: кем мне недостаток сей возполнить?»⁴².

³⁶ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 3 Л. 57

³⁷ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 4 Л. 11 об.

³⁸ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 6. Л. 23

³⁹ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 7. Л. 39 об.

⁴⁰ РГБ. Ф. 213. Оп. 89 Д. 20. Л. 50

⁴¹ РГБ. Ф. 213. Оп. 89 Д. 20. Л. 302 об.

⁴² РГБ. Ф. 213. Оп. 90 Д. 4. Л. 40

Отец Моисей регулярно отправлял послушников и монахов для пополнения братии обители отца Антония: «Благодарю Вас, Батюшка, за присланного в послушники семинариста воронежского, которой теперь трудится у нас, и я им доволен»⁴³; «от всей души моей благодарю Вас, Батюшка, за великую милость Вашу ко мне, дарованием обители нашей двух благонадежных братьев, которых принял я как Ангелов Божиих, с радушием и радостью о Господе, и поместил их в кельях Доримедонта Гр<игорьевича> вверху, которыми остались они благодарными; и одоляюсь дорожить ими, как благословением Божиим и как Вашим отеческим благоволением ко мне недостойному!»⁴⁴.

Игумен Антоний отмечал, что, в отличие от Оптиной пустыни, в его монастыре монахам и послушникам приходится трудиться на тяжелых работах: «даже и иеромонахи не свободны от послушания, один из них хлебником, второй просвиряком, третий свечником и рухальным, четвертый экономом и квасоваром, а братия оптинская к таким тяжелым трудам не привычна»⁴⁵.

Особенное беспокойство у малоярославецкого игумена вызывала такая ответственная должность в управлении монастырем, как казначей, которую тоже не всегда занимали достойные кандидаты: «Вам желательно было знать о новом казначее моем? Только вчерашний день утешен был я получением Указа от 26-го ноября, коим утвержден в должности казначея впредь до усмотрения иеромонах Иларион; а посему смиренно прошу Ваших святых молитв, чтобы в новом казначее сем обрести мне помощника честна и добросовестна, и иметь в нем некую отраду и утешение после бывших неприятностей с предместником его»⁴⁶. Отец Антоний регулярно советуется по этому вопросу с братом. В последние годы настоятельства отца Антония в Малоярославце казначеем обители стал отец Гавриил, характер которого очень радовал настоятеля: «Водворение в обитель нашу нового казначея отца Гавриила я считаю за особенную милость Божию; даруй, Боже, чтобы

⁴³ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 273 об.

⁴⁴ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 137.

⁴⁵ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 1. Л. 14.

⁴⁶ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 7. Л. 48 об.

и вправду было так, как ныне, ибо он мне помощник искренний и благонамеренный, занимается с братиею усердно и с любовью; ежедневно вечерние молитвы читаем мы вкупе, а с нами и братия молятся человек до осми...»⁴⁷. По образцу Оптиной пустыни, в это время отец Антоний вводит общее чтение молитвенного правила в храме, общие вечерние трапезы (до этого послушники ужинали в своих кельях). Отец Гавриил, которого отец Антоний называет «добрым помощником», проводил в монастыре беседы с юными братьями, за что настоятель был ему «много благодарен, ибо до сего времени по немощи и нерадению моему оставались они без назидания; а между тем со всех сторон искривленное нелегко теперь и выправлять»⁴⁸. Тем неприятнее было отцу Антонию внезапно узнать, что отец Гавриил, так помогавший ему в этих добрых начинаниях, тайно написал прошение о переводе в Оптину пустынь: «Неожиданно получил от Владыки бумагу, которая отуманила меня как рычагом, т.е. отец казначей Гавриил не может более находится в обители нашей, а требуется на прошение Его сделать отзыв; прошение его, как касающееся и до Вас, прилагаю при сем для Вашего обсуждения и подписания, а я не знаю, было ли о сем предварительно известно батюшке отцу Макарию и с его ли благословения писал он прошение сие? А между тем писал он прошение свое в тайне от меня, и послал тоже — не было мне известно, а послал его к владыке в то время, когда у меня один только и был служащий иеромонах отец Иона, как будто чрез то захотел последнюю подорвать надежду мою, и союз любви расторгнуть, т.е. благо ли это?»⁴⁹.хлопоты о новом казначее тоже станут одной из забот отца Антония в конце его малолетнего периода: «Теперь все затруднение у меня в избрании казначея, ибо некому будет монастыря сдать; отца Иону в казначеи не желают братия наша, а о. Варсонофия жалею я, почему думаю указать на иеромонаха Израиля — что в Лаврентиеве, и на о. Савватия. Если Вы благословите?»⁵⁰.

Читая о трудностях в управлении обителью, проблемах с братией, мы не должны забывать о тяжелых физических

⁴⁷ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 201 об.

⁴⁸ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 205 об.

⁴⁹ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 279 об.

⁵⁰ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 354 об.

немощих отца Антония, которые часто не давали ему полноценно руководить хозяйственной и духовной жизнью Малоярославского монастыря. Когда отец Антоний был в силах, он был примером деятельного исполнения монастырских обязанностей: «Многие настоятели, — писал он одному приближенному лицу в 1842 г., — все дела делают руками других, а я, грешный, и в церковь должен ходить ко всякой службе, и вместе петь и читать, и трапезовать вкупе с братиею, и проч., а прошедшую осень и капустку с огорода прибирать помогал, и потому не вижу времени, как оно быстро летит»⁵¹. Но вскоре дала о себе знать приобретенная еще в оптинском скиту болезнь ног, которая в житии старца Антония, написанном монахом Климентом (Зедергольмом), названа скорбут (цинга). «О себе доношу, что я за молитвы Ваши достиг обители своей в 7-е ч. благополучно; в бытность мою в Калуге на больной ноге моей открылись волдыри числом более десятка, величиной по ореху, которые прибавляют боли вместо шпанских мух. Что делать, многи раны мне грешному! У владыки испросил позволение полечить и попокоить свои ноги»⁵².

Методы лечения тогдашней медицины не были эффективны против недуга отца Антония, а некоторые советы врачей были довольно опасными или ухудшали состояние больного: «О себе вам доношу, что нынешний день предполагал я служить, но болезнь мне попрепятствовала. Некоторые добрые люди посоветовали мне прикладывать к ноге морковь тертую, и вот три дни продолжаю употреблять это средство, благодарение Богу ощутительную вижу пользу, также и внутрь принимаю прописанную Николаем Васильевичем микстуру»⁵³; «один искусный медик предлагал мне пользоваться одною холодною водою, т.е. окачиваться ею по несколько раз в сутки, обвертывать себя мокрыми трепицами по несколько часов сряду и пить холодную воду стаканов по 30 в день по его наставлению и с тем, чтоб себя отдать ему в полное повиновение»⁵⁴; «На счет лечения своего донесу Вам, что оное и по отбытии Вашем продолжал употреблять две недели с соблюдением диеты

⁵¹ Зедергольм. Цит. соч. С. 62.

⁵² РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 4. Л. 35.

⁵³ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 4. Л. 38.

⁵⁴ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 6. Л. 20 об.

и с открытием фантонели; выпил лекарства около двух штофов, от которого раз по шести в день слабило меня, и в такую пришел расслабленность, что вовсе потерял позыв на пищу, и чай пить опротивело, но ногам своим отрадного не заметил, почему третий день прекратил употребление онаго, дабы совершенно не расстроить свое здоровье»⁵⁵.

Болезнь мешала отцу Антонию посещать богослужения, в том числе праздничные: «От болезни своей совершенно еще не освободился; на праздник Святителя Николая, и Святых Троицы не мог быть в Церкви, и до сих пор из кельи не выхожу»⁵⁶; «Две седмицы Страстную и Светлую хотя и со трудом, но, слава Богу, совершил, ежедневно ходя ко всем службам; а ныне и из кельи вон не выхожу, ибо на ноге больной открылись раны с нестерпимою болью от острых мокрот, так что и получасу простоять не могу»⁵⁷.

Отца Антония беспокоит то обстоятельство, что в храме и на трапезе бывает не всегда благочинно из-за его отсутствия: «После сего дополню Вам о лечении ноги своей: которую продолжаю пользоваться тертою морковью, и когда не выхожу никуда из кельи, то свет вижу; а когда похожу, особенно постою, то опухоль с болью возвращается в ногу. Без присутствия же своего в церкви и в трапезе не всегда благочинно бывает, и это меня беспокоивает, но делать нечего, терпеть надобно»⁵⁸. Немоги мешают нормальному окормлению, духовному научению братии: «Братия мои находятся без окормления, и наиболее ходят по начинанию сердец своих; поручать их некому, а против меня диявол старается обезверивать их, а неких уже и обезверил, а посему — горе мне!»⁵⁹. Трудно было отцу Антонию совершать и келейное молитвенное правило: «Утренние и вечерние молитвы не могу выстаивать на ногах, и вот осмой день из кельи вон не выхожу»⁶⁰.

Неся крест болезни, отец Антоний находил в себе силы воспринимать немощи с благодарением Богу, видел в них

⁵⁵ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 7. Л. 45–45 об.

⁵⁶ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 42.

⁵⁷ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 6. Л. 19.

⁵⁸ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 4. Л. 39 об.

⁵⁹ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 4. Л. 43 об.

⁶⁰ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 8. Л. 15 об.

уроки воздержания: «Но Благодарение Господу, болезнь сия учит меня воздержанию, почему не только пива, но и квасу не употребляю, также замечаю что и рыба соленая не в пользу мне; а если в которой день выпью виноградного, то до полночи проходит тогда у меня во бдении — от боли. И так, Благословен Христос Бог благоволивый тако, Слава Тебе!»⁶¹.

Но не только болезни препятствовали посещению богослужений, молитвенному уединению, но и настоятельские обязанности, хозяйственная суета: «...должен и сам я немало трудится и составлять в чернь. Всякую бумагу, и годовые отчеты, а ему давать переписывать. Почему и в церковь ходить мало имею времени, а притом и сношения с частными людьми должен прекратить на время»⁶²; «У меня теперь и столяры, и плотники, и моляры, и каменщики, и печники, и уборка сена; столько скопилось дела — что и здоровому впору за всем смотреть, а я немощен»⁶³.

Одной из главных хозяйственных забот в первые годы настоятельства отца Антония стало завершение монастырской соборной Николаевской церкви, которая должна была стать храмом-памятником событиям 1812 г. Заботой отца Антония стало окончание внутренней отделки храма. Освящение собора состоялось в 31-ю годовщину Бородинской битвы, 26 августа 1843 г., и было великолепным торжеством, в котором кроме епископа Калужского и Боровского Николая (Соколова) принимали участие четыре настоятеля монастырей, четыре протоиерея и «четверо из меньших чинов», не принял участие только тот, кто «во многих трудах, заботах, хлопотах и издержках»⁶⁴ так долго готовился к этому торжеству — сам отец Антоний. Он снова «вельми был болен» и воспринимал свою немощь в данных обстоятельствах с глубоко смиренным чувством, вспомнив одно из песнопений Страстной седмицы: «лежучи на одре, от горести души возопил ко Господу со слезами: „Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, а одежды не имам, да вниду вонь“»⁶⁵.

⁶¹ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 6. Л. 19.

⁶² РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 3. Л. 47 об.

⁶³ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 5. Л. 36 об.

⁶⁴ *Зедергольм*. Цит. соч. С. 63.

⁶⁵ Там же.

После завершения Никольского собора главной хозяйственной заботой отца Антония стало возведение новых монастырских келий. В 1847 г. он делился с братом размышлениями о строительных хлопотах. С одной стороны, они дают надежду «иметь по трудах покой», а с другой стороны, отец Антоний вспоминает слова старца Леонида (в схиме Льва) Оптинского, что «когда будешь заботиться и упрочивать для своего спокойствия келью, то не придется в них и жить...»⁶⁶, напоминающие о тщетности поисков земного, материального покоя для монаха. Отец Антоний задается подобными вопросами: «...и чудное дело, во время стройки нападали на меня раздумки, и именно: не гроб ли это я для себя строю? и буду ли я иметь в новых кельях своих покой душевный? и буду ли я еще в оных кельях жить?»⁶⁷.

Помимо старшего брата, с отцом Антонием поддерживали отношения и оптинские старцы Леонид (в схиме Лев), Макарий и другие отцы, посещали его монастырь. Кроме Оптиной пустыни отец Антоний поддерживал также связи с соседними обителями. Близкие отношения у игумена Антония сложились с архимандритом Боровского монастыря Геннадием, о котором он писал так: «примерным благорасположением (его) премного я благодарен»⁶⁸. Отец Геннадий после кражи в Малоярославецком монастыре в ноябре 1849 г. «нарочито приезжал для исследования и во утешение наше пожаловал обители нашей 50 руб. серебром»⁶⁹; во время торгов о судьбе мельницы, «по предписанию, был боровский отец архимандрит Геннадий; которому многою благодарностию обязан я за содействие его о пользе монастыря»⁷⁰. Архим. Геннадий посоветовал отцу Антонию лекаря. Настоятели взаимно посещали монастыри друг друга, отец Геннадий давал малоярославецкому настоятелю практические советы: «Декабря 29-го посетил меня боровского монастыря отец архимандрит Геннадий, и погостил часов семь; он мне на новоселье вместо хлеба и соли привез два фунта хорошего чаю, каковым благоволением своим премного меня

⁶⁶ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 63 об.

⁶⁷ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 63 об.

⁶⁸ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 3. Л. 39.

⁶⁹ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 210 об.

⁷⁰ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 8. Л. 19 об.

удивил! Также и Он не советовал заботиться о годовом отчете, а писать только то, о чем сведение имею; а о прочем отрапортовать, что записей прихода-расходных не было до Вас видно, что я и выполнил»⁷¹. Архимандрит Геннадий поддерживал тоже связи с отцом Моисеем, а отец Антоний был своеобразным связующим звеном между ними: «Отец архимандрит Геннадий вручил мне яйцо для доставления к Вам, которым он с Вами заочно христосует; яйцо это антик, писано пером отставным солдатом, которое должно читать в микроскоп. Оное яйцо при сем же посылаю. Также и быка своего молодого — Буяна, к Вам отпустил...»⁷².

По-другому сложились отношения отца Антония с другой обителью Калужской епархии — со Свято-Тихоновой пустынью. Как следует из его писем, некоторые монахи из Тихоновой пустыни просили его о принятии в число братии Малоярославецкого монастыря, при этом он опасался, что это может огорчить тихоновского игумена Геронтия: «В день Праздника Успения Божией Матери писал я к Вам, а 16-го ч. из Калуги пожаловал ко мне Тихоновский отец Иаков с прошением о принятии его в число братства вверенной мне обители, якобы по воле владыки, которой прислал его за тем, чтобы я подписал согласие свое на прошении Его; почему и отношусь прежде к Вам с покорнейшею просьбою моею, вразумить меня, принять его или отказать? по состраданию об нем готов бы подать ему и руку помощи, зная его вначале с хорошей стороны, но опасаясь, чтобы приют его не огорчил и не расстроил против меня отца игумена Геронтия, которого расположением весьма я доволен. А посему не оставьте, Бога ради, уведомить меня о сем не помедля и вразумить, как должно поступить и что на прошении его мне подписать? и не нужно ли мне прежде списаться с о.и. Геронтием, дабы союз братской любви не был нарушен между нами»⁷³. Из дальнейшей переписки следует, что отец Антоний проявил милосердие к «тихоновским беглецам» и принял их в свой монастырь, чем навлек на себя гнев калужского владыки Николая: «Слава Богу, путь свой совершил я хотя

⁷¹ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 1. Л. 20 об.

⁷² РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 6. Л. 16 об.

⁷³ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 59–59 об.

и благополучно, впрочем не без скорби; ибо кое за что, а наиболее за покровительство мое Тихоновских беглецов, помыли мне головку порядочно... якобы принимая братию тамошнюю, делаю зло не одному настоятелю, но и владыке в пику; за что не только мне, но и никому не позволит он шутить над собою, и проч. и проч. На все таковые неожиданные мною придирки его более молчал я и просил прощения; и хотя в то время находили на меня мысли похожие на помыслы о. строгителя Никодима, т.е. попросить увольнения от должности, но, благодарение Богу, удержал язык свой от сего, дабы не воспрепятствовать предполагаемому торжеству освящения нашего храма...»⁷⁴. Впоследствии Тихонова пустынь даже не поддерживала отношения с отцом Антонием: «Недавно слышал я, что новопостриженный схимонах Леонид — бывший отец Иоанникий — в тихоновой пустыни скончался; но не знаю, справедливо ли это? ибо ныне Тихонова пустынь никакого сношения со мною недостойным не имеет»⁷⁵.

Непростые отношения складывались у игумена Антония с Калужским и Боровским епископом, которым с октября 1834 г. по сентябрь 1851 г. был Николай (Соколов). Владыка был человеком «купеческого» благочестия, уделял большое внимание ремонту и благоуукрашению храмов. Отмечалось, что архипастырь был «простым, доступным, внимательным к нуждам духовенства и отзывчивым ко всем нуждающимся. С этой стороны он особенно заявил себя во время голодного 1840 г.»⁷⁶. Однако его серьезным недостатком была излишняя доверчивость некоторым слухам и непонимание людей высокой духовной жизни, что отразилось в его отношениях с оптинскими старцами и настоятелем Малоярославецкого монастыря. Так, под влиянием доносчиков у него сложилось негативное отношение к оптинскому старцу Леониду (в схиме Льву). Упоминание о такой ситуации мы встречаем и в переписке отца Антония с отцом Моисеем: «...в конце трапезы как будто нарочно о. ректор начал беседу об отце Леониде, более ругательную, нежели кощунную, в которой к сердечному

⁷⁴ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 179.

⁷⁵ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 305 об.

⁷⁶ Половцов А.А. Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. II. С. 357.

огорчению моему участие возымели вл<адыка> наш, и открыл свою мысль — что если еще услышит, что не прекратятся посещения к старцу, то, невзирая на лютыя зимы, сошлет его в Боровской монастырь, как бы в заточение, а посему именем Божиим прошу Вас и молю, Всепочтеннейший Батюшка, прекратить посещения жен, дабы чрез делаемое снисхождение оным, не подвергнуть батюшку отца Леонида вящему искушению, которого присутствие для обители Вашей, а равно и для всего братства Вашего весьма драгоценно!»⁷⁷. Как мы знаем из жития старца Льва, на него даже был написан ложный донос от имени неизвестного лица, который имел негативные последствия. Епископ Николай (Соколов) распорядился перевести отца Леонида из скита в монастырь и запретил его посещение мирскими людьми обоего пола.

Телесные немощи, трудности с «пакостниками» из братии, не желавшими жить благочестивой монашеской жизнью, постоянные хозяйственные хлопоты вызывали у отца Антония постоянное желание уволиться на покой и вернуться в дорогую его сердцу Оптину пустынь. Это стремление батюшки и постоянное противодействие ему владыки Николая было главной болевой точкой их взаимоотношений, постоянным крестом, который отец Антоний нес в годы своего настоятельства в Малоярославце.

Первую попытку освободиться от настоятельской должности игумен Антоний предпринял в 1843 г., завершив постройку и отделку монастырского соборного Никольского храма. В письме брату от октября этого года отец Антоний так обозначил цель своего желания вернуться в Оптину пустынь: «Исповедаю Вам, Батюшка, как Господу Богу: прожил я век свой хотя и по-скотски, но умереть по-скотски, т.е. без размышления о смерти, и без приготовления ко исходу, устрашает иногда меня! А посему и желание имею переселиться к Вам (если Воля Божия будет) того ради, чтобы на остаток дней сколько-нибудь себя поправить, и вместо двух лепт принести Господу сердце сокрушенно и смиренно! Почему и прошу о сем Ваших святых молитв»⁷⁸. Таким образом, главным стремлением отца Антония

⁷⁷ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 2. Л. 35 об.

⁷⁸ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 5. Л. 51 об.

было не просто избавиться от обременительных настоятельских обязанностей, чтобы продолжать жизнь в более спокойной обстановке, но он стремится в Оптину, чтобы «скольконибудь себя поправить», провести остаток своих дней в столь дорогой ему, более сосредоточенной молитвенной обстановке, достичь «сердца сокрушенного и смиренного». Получив одобрение и благословение своему желанию от брата, отец Антоний обратился с прошением об увольнении на покой к владыке Николаю (Соколову), епископу Калужскому и Боровскому. В ответ он получил письмо, в котором архиерей приводит ему в пример «прежних времен старцев», которые в подобных трудностях говорили вместе с царем Давидом «Пою Богу моему, дондеже есмь», а в болезнях веровали с апостолом Павлом, что «сила Божия в немощи совершается». Владыка посоветовал отцу Антонию поехать в Москву, лечь там в лучшую из больниц или остановиться у родных и пройти курс лечения у лучших медиков, а о своей обители излишне не кручиниться во время этой отлучки⁷⁹. Такой ответ был настоящим ударом для отца Антония, он поехал в Калугу, чтобы лично просить у епископа Николая увольнения, но получил ответ, что, даже если бы отец Антоний два года пролежал без всякого действия, то и тогда он не получил бы увольнения от настоятельской должности. Услышав эти слова владыки, малоярославецкий настоятель едва удержался от слез и сказал: «Если постигнет меня смерть, то святительское сердце Ваше будет одержимо печалью о том, что, имевши волю и возможность уволить меня от должности, и не оказали сей милости?» На что владыка Николай ответил: «Пусть этот грех останется на моей душе». После этого епископ утешал отца Антония «как младенца и вместе с собою катал по Калуге более часу, показывал дома и заведения — где какое, и по возвращении в дом продержал почти до полуночи, и предлагал мне проехать к Вам»⁸⁰. Нужно было смириться и продолжать игуменское служение.

Через год, в 1844 г., отец Антоний снова обратился к владыке со слезным прошением об отставке, но получил лаконичный ответ: «Вам не время теперь проситься на успокоение

⁷⁹ Зедергольм. Цит. соч. С. 66–67.

⁸⁰ РГБ. Ф. 213 Оп.90 Д.5 Л. 53–Л. 53 об.

от настоятельства, а мне избирать другого на ваше место»⁸¹. Объясняя решения епископа Николая, иеромонах Климент (Зедергольм) пишет, что владыка в действительности ценил отца Антония и дорожил им, «сознавая, что часто особенно благопотребны бывают те люди, которые не ищут чести и власти, но уклоняются от нее»⁸².

Признанием заслуг и трудов отца Антония со стороны священноначалия и высшей гражданской власти стало награждение его золотым наперсным крестом, состоявшееся по представлению епископа Николая в Святейший Синод в 1845 г. Уговаривая малоярославецкого игумена, отказывавшегося от всех мирских отличий, принять награду, владыка писал: «Государь Император, по представлению Святейшего Синода, в 21 день апреля наградил вас крестом. Это не мирское отличие, а знамение страданий Икупителя нашего, Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа; вам остается получить сие духовное христианское и спасительное отличие. Да будет оно вместе знамением и ваших скорбей, душевных и телесных! Так, да и есть ли кто в мире такой, кто бы их не имел?»⁸³. Такое восприятие награды не как знака отличия, а как символа его личного настоятельского креста было близко собственным чувствам отца Антония. Он пишет о «собственном чувствовании» этого «монаршего благословения», «великой награды» как «определенной» «в короткое время вовсе не по заслуге моей». Он снова с глубоким смирением говорит, что она «слишком радостного впечатления не произвела на сердце моем, ибо в присланном мне Христовом Кресте я усматриваю и Свой Крест, т.е. новые болезни и труды, имиже должен трудиться еще...»⁸⁴.

К числу других внешних скорбей и искушений отца Антония следует отнести кражи монастырского имущества, лошадей: «...на одной сей недели четыре покражи случилось у нас по ночам, 1-я у нижней часовни у скотного двора разломан ящик и унесены деньги, 2-е у бани сбит замок и унесен, 3-е на сатке рыбных також сбит замок и унесен, 4-е в верхней часовне сбит с дверей замок, разломан внутри оной стол, и унесены деньги;

⁸¹ Зедергольм. Цит. соч. С. 70–71.

⁸² Там же. С. 67.

⁸³ Там же. С. 78.

⁸⁴ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 7. Л. 29–29 об.

о чем подано мною в полицию объявление двукратно; но на следующее время опасаясь, как бы еще чего горьше сего не случилось»⁸⁵; «...в ночи на 22-е ч. сего месяца встретило меня немалое искушение, а именно: с монастырского огорода чрез отхожее место пожаловали на конной двор воры, сбили с конюшни и ворот замки, и угнали всех монастырских лошадей (числом пять)»⁸⁶.

Немало «затруднений и хлопот» доставляла отцу Антонию монастырская мельница, которая была доведена «до самого грустного положения»: «в жилых покоях обрушился было потолок, и едва не задавил Ивана Т. с Татьяною Космовною — успели выскочить вон; а в надворном строении один рабочий провалился сквозь пол и вывихнул себе руку»⁸⁷. Отец Антоний писал, что починка мельницы потребует до 1000 рублей. Поскольку монастырь сдавал ее в аренду, это тоже заставляло настоятеля активно взаимодействовать с мирскими людьми и учреждениями, для этого требовались определенные деловые навыки: «После сего доношу Вам, Батюшка, о бывших торгах на нашу мельницу < > 11-го числа к торгам явился один только бывший содержатель Петр Петров с одним мещанином, и давал аренды сколько хотел; а к переторжке 13-го числа для блидиру Петров пригласил еще одного приказного и одного помещика дворянина, и надававши до 190 целковых, трое отказались от дальнейших торгов, почему и осталась мельница наша за Петровым во 191 р. серебр. в год, т.е. против теперешней аренды дешевле почти в половину или в третью часть»⁸⁸. Состоявшиеся торги «совершенно обескуражили и довели до сильного уныния» отца Антония, «очень грустно мне о том что обитель наша должна лишится годового доходу до 500 р. ас.»⁸⁹. Он обратился к владыке Николаю, который наложил на его прошение следующую резолюцию: «Поелику цена на мельницу Малоярославецкого монастыря, отдаваемую в арендное содержание, при переторжке состоялась низкая и для монастыря безвыгодная, по причине неявки посторонних торговцев, то

⁸⁵ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 46–46 об.

⁸⁶ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 86.

⁸⁷ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 331.

⁸⁸ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 8. Л. 19.

⁸⁹ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 8. Л. 19 об.

произвестъ вновь торг и переторжку на сию мельницу <...> Если же и на втором торге с переторжкою цена недовольно возвысится, то не выгоднее ли будет для монастыря содержать мельницу и чинить на оной производство чрез благонадежных наемных людей от самого монастыря»⁹⁰. На последующих торгах мельница за большую сумму, чем на первых торгах, была арендована господином Малютиным.

Докучали иногда отцу Антонию и многочисленные посетители, приезжавшие в монастырь: «Притом ни одного дня не проходит у меня без сторонних посетителей, для которых много утекает у меня времени; а находясь в обители и говорить нет дома — не легче, а посему и сам не знаю, что мне делать?»⁹¹; «...много проходит у меня времени в праздности чрез посетителей»⁹². Однажды посетителем монастыря стал великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь, о котором отец Антоний говорит не как о писателе, а как об «ученейшем профессоре»: «В прошедшее время писавши к Вам запамятовал я упомянуть Вам, что были в обители нашей двое ученейших профессоров — г. Гоголь и Максимовичъ, которые хотели быть и у Вас; оне спрашивали у меня, нет ли каких-либо исторических сведений о монастыре, о которых к удовольствию публики могли бы они поместить в своих изданиях, и просили приготовить ко времени возвращения их из пути к августу месяцу, но удовлетворить их не имею чем. Не знаю, были ли они у Вас?» (письмо от 3 июня 1850 года)⁹³. Здесь сообщается о путешествии Н. В. Гоголя вместе с бывшим первым ректором Императорского Киевского университета Михаилом Александровичем Максимовичем в Малороссию, в ходе которого писатель посетил Малоярославецкий монастырь и совершил первое из своих трех посещений Оптиной пустыни.

В 1848 г. пределы Малоярославца посетила холера, в письмах отца Антония к брату перечисляются заболевшие и умершие знакомые. Служение во время эпидемии потребовало напряжения физических сил батюшки и было испытанием для его больных ног. По желанию малоярославцев игумен

⁹⁰ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 8. Л. 28–28 об.

⁹¹ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 223–223 об.

⁹² РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 374–374 об.

⁹³ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 253.

Антоний совершил со всем городским духовенством несколько раз крестный ход вокруг всего города, служил в разных местах литии и молебны, панихиду по воинам, погибшим в 1812 г., каждый такой крестный ход продолжался по семь часов. Также братия монастыря носила «св. икону Боголюбской Божией Матери ежедневно <...> по домам для молебствия с четырех часов утра до девяти вечера, и служащих меняю по три раза в день, и возвращаются изнемогшими от труда, а иногда и от разрешения»⁹⁴. На следующий день после кончины от холеры отца Иерофея настоятель тоже сильно занемог: «На другой день его кончины меня болезнь с ног свалила, понос и рвота, и жар жгучий внутри, и бессонница, сам не знаю, горячка или лихорадка»⁹⁵. К счастью, отец Антоний выздоровел «милостию Божиею, заступлением Божией Матери и св. молитвами Вашими»⁹⁶.

Последние большие хозяйственные хлопоты в Малоярославском монастыре возникли у отца Антония в феврале 1849 г. В это время случилась сильная буря, которая сорвала «с колокольни шпиль с крестом и главою; глава упала за колокольной не в дальнем разстоянии; крест занесло в монастырской сад разстоянием от церкви до 50-ти сажений, где оный найден от бури разломанным на три части <...>; шпиль же упал на теплую церковь, на пределе преподобных Антония и Феодосия, устроенном на хорах оной церкви, тяжестью своею проломил железную крышу и стропила и повредил в верхнем храме кирпичный свод, так, что из онаго выпало несколько кирпичей и штукатурка осыпалась и сделались на своде в нескольких местах трещины»⁹⁷. После подсчета нанесенного стихией ущерба оказалось, что монастырю нанесен убыток в 5000 рублей. Отец Климент (Зедергольм) приводит реакцию отца Антония на новое хозяйственное испытание: он возлагал свою печаль на Господа, Божию Матерь и святителя Николая Чудотворца и благодарил Бога, что никто не пострадал из насельников и работников монастыря. «Один мирской человек, слушая рассказ об этом о. Антония, был поражен совершенным его

⁹⁴ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 121 об.

⁹⁵ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 124.

⁹⁶ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 125.

⁹⁷ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 167–167 об.

равнодушием к денежному убытку и искренней радостью его о сохранении жизни всех находившихся в обители, и невольно остановился мыслью на таком мирском расчете, что вот о. игумен ценит жизнь последнего монастырского работника дороже 5000 р. Когда он объяснил свой помысл, о. Антоний заметил ему, что душа человеческая Богу дороже всего вещественного мира»⁹⁸. Эта история ярко характеризует человеколюбие отца Антония.

Хлопоты по восстановлению монастыря приводили игумена Антония в Москву для сбора пожертвований, где он удостоился благословения и внимания святителя Филарета (Дроздова). Именно этот выдающийся архипастырь Русской Церкви сыграл важнейшую роль в решении о переводе малоярославецкого настоятеля на покой в Оптину пустынь. Изменились обстоятельства и в Калужской епархии. После смерти епископа Николая в сентябре 1851 г. новым владыкой Калужским и Боровским 9 (21) декабря стал Григорий (Миткевич), занимавший эту кафедру почти 30 лет, до 1881 г. Именно в период его управления епархией Оптина пустынь достигла расцвета. Будучи человеком строгой духовной жизни, он понимал значение оптинских старцев и впоследствии часто посещал отца Амвросия, который повесил портрет владыки Григория в своей келье среди портретов других подвижников. Понимание у него вызвала и ситуация отца Антония. Святитель Филарет (Дроздов) говорил новому епископу Калужскому о болезни отца Антония «и о желании быть уволенным». Отец Антоний с надеждой рассказывал о встрече с новым архиереем: «...потом расспросил меня о причине побуждения моего, и наконец сказал, что он доброму намерению споспешествовать готов, когда откроется на мое место достойной человек, а до того времени советовал мне молиться Богу»⁹⁹.

Последними тревогами отца Антония в Малоярославце как раз и стал вопрос о том, какого преемника назначат на его место, будет ли он действительно заботиться об обители. Он даже писал, что «от нерешимости» этого вопроса «не без уныния нахожусь я, но повторить прошения ко Владыке не

⁹⁸ Зедергольм. Цит. соч. С. 77.

⁹⁹ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 332 об.

могу без Вашего позволения, о коем я просил»¹⁰⁰. Кандидатура будущего наместника менялась. Сначала возникло имя отца Мелхиседека: «Слава Богу, что участь моя решена, и жребий пал на отца Мельхиседека; а протчих кандидатов я опасался не за себя, а за обитель святую»¹⁰¹. Затем решение было изменено: «Увидевши из письма Вашего о перемене преемника на мое место, я премного удивлялся Премудрому и Непостижимому Строению Божию о нас! По мнению моему казалось лучше бы для обители нашей могло быть правление О. С. Н., нежели О. М. как не жившаго в общежительных монастырях и не испытывающего на практике образа жизни, но Господь Бог глубиною Мудрости Своея полезное устрояет во всем по Его Святой воли и Премудрому Устроению. Я и из Лаврентиеваго монастыря получил уведомление, что О. М. в Новый год восприимет жезл Малоярославецкаго монастыря, но до получения Вашего письма не поверил тому»¹⁰².

В итоге преемником отца Антония в качестве настоятеля Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря стал отец Никодим (Демутье), воспитанник Площанской пустыни (где он одно время нес послушание келейника отца Макария, будущего оптинского старца) и Оптиной. До назначения в Малоярославец он был настоятелем Мещовского Георгиевского монастыря, около 10 лет управлял этой обителью и вывел ее из состояния упадка. Однако у нового кандидата тоже были незавершенные дела на старом месте служения, решение которых откладывало его вступление в новую должность: «Отец строитель Никодим, только вчерашний день проехал из Москвы и тоже не порадовал меня скорым окончанием своих дел. Ему г. Александров обещал прислать на обитель его на вечное поминовение билет в 125000 р., чтоб ежегодно получал монастырь процентов 5000 р. сер., но когда узнал от кого-то, что отец Никодим переводится в другой монастырь, то от усердия такового отказывается г. Александров; а посему и это обстоятельство как бы совершенно не изменило обстоятельства

¹⁰⁰ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 371 об.–372.

¹⁰¹ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 364.

¹⁰² РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 399 об. – Л. 400.

мои, почему и прошу Ваших святых молитв, да устроит Господь Бог о мне по воле Своей Святой»¹⁰³.

Таким образом, последние месяцы пребывания отца Антония в Малоярославецкой обители тоже были для него временем искушений и терпения. Хорошо характеризуют настроения отца Антония, покидавшего Малоярославец, слова из его последнего письма из обители от 6 февраля 1853 г. Он снова обращается к церковному песнопению, на этот раз звучащему в Неделю о блудному сыне, чтобы описать свое состояние и обстоятельства. Сравнение возвращения отца Антония в Оптину пустынь к отцу Моисею с возвращением персонажа евангельской притчи получилось весьма символичным: «Вот скоро наступит неделя, в которую воспоют: Объятия Отча отверсти ми подщися блудно бо мое изждих житие! Песнь оную и я, неключимый раб, из глубины души произношу пред Отцем Небесным, и пред Вами моим Отцем: Объятия Отча отверсти ми подщися!»¹⁰⁴.

¹⁰³ РГБ. Ф. 213. Оп. 89. Д. 20. Л. 376 об.

¹⁰⁴ РГБ. Ф. 213. Оп. 90. Д. 8. Л. 405 об.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивы

РГБ. Ф. 213. Оп. 89 Д. 20. Антоний (Путилов Александр Иванович), игумен Черноостровского Николаевского монастыря (г. Малоярославец). Письма к Моисею (Путилову) 1808-1853. 474 лл.

РГБ. Ф. 213. Оп. 90 Д. 1. Антоний (Путилов Александр Иванович), игумен Черноостровского Николаевского монастыря (г. Малоярославец). Письма к Моисею (Путилову), 1833 – 1839. 43 лл.

РГБ. Ф. 213. Оп. 90 Д. 3. Антоний (Путилов Александр Иванович), игумен Черноостровского Николаевского монастыря (г. Малоярославец). Письма к Моисею (Путилову), 1841. 62 лл.

РГБ. Ф. 213. Оп. 90 Д. 4. Антоний (Путилов Александр Иванович), игумен Черноостровского Николаевского монастыря (г. Малоярославец). Письма к Моисею (Путилову), 1842. 52 лл.

РГБ. Ф. 213. Оп. 90 Д. 5. Антоний (Путилов Александр Иванович), игумен Черноостровского Николаевского монастыря (г. Малоярославец). Письма к Моисею (Путилову), 1843. 60 лл.

РГБ. Ф. 213. Оп. 90 Д. 6. Антоний (Путилов) игумен. Письма к о. Моисею (Путилову), 1844. 56 лл.

РГБ. Ф. 213. Оп. 90 Д. 7. Антоний (Путилов Александр Иванович), игумен Черноостровского Николаевского монастыря (г. Малоярославец). Письма к Моисею (Путилов Тимофей Иванович), 1845. 55 лл.

РГБ. Ф. 213. Оп. 90 Д. 8. Антоний (Путилов Александр Иванович), игумен. Письма к Моисею (Путилову), 1846 – 1853. 72 лл.

Литература

Климент (Зедегольм), иером. Житие преподобного Антония Оптинского. Козельск, 2018. 240 с.

Преподобный Антоний Оптинский. Наука о преданности воле Божией: Сб. писем / Ред.-сост. В. В. Каширина. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 288 с.

Половцов А. А. Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 11.

The Period of Abbatial Service of Saint Anthony (Putilov) in the Chernooostrovsky Monastery in Maloyaroslavets in His Correspondence with Saint Moses (Putilov)

Amfilokhy (Pushkarev), hieromonk

Master of Theology, Postgraduate Student at the Moscow Theological Academy

9104608619pavel@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-1414-2631>

FOR CITATION: *Amfilokhy (Pushkarev), hieromonk*. The Period of Abbatial Service of Saint Anthony (Putilov) in the Chernooostrovsky Monastery in Maloyaroslavets in His Correspondence with Saint Moses (Putilov) // Bogoslov. 2026. № 2 (10). P. 122–154.

DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2026.10.2.004

ABSTRACT Based on the epistolary heritage of Saints Anthony (Putilov) and Moses (Putilov), the article analyzes Abbot Anthony's connections with the Optina Hermitage during a lesser-known period of his life—his headship at the St. Nicholas Chernooostrovsky Monastery in Maloyaroslavets (1839–1853). Saint Moses was the biological brother of Saint Anthony as well as his spiritual director. During this period, this guidance was conducted epistolarily. The correspondence between the saints was highly intensive and contained instructions, exhortations, and pastoral guidance, alongside everyday administrative and domestic details. The letters also provide insights into the interactions between other residents of the Optina Hermitage and the Maloyaroslavets Monastery, among whom Saints Leo (Nagolkin) and Macarius (Ivanov) are particularly prominent. The spiritual, cultural, and historical significance of the correspondence between Saints Anthony and Moses is exceptionally high: the epistolary heritage not only captures the authentic life circumstances of the ascetics and reconstructs the monastic daily life in the cloisters they led, but also serves as a crucial source material for studying the spiritual life of the Optina elders. At the same time, this correspondence remains unpublished and insufficiently researched to date.

KEYWORDS: Saint Anthony (Putilov), Saint Moses (Putilov), Chernooostrovsky St. Nicholas Monastery, epistolary heritage, Optina Hermitage, Optina elders

The article was submitted 18.05.2026,
accepted for publication 12.06.2026.